

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в рамках концепта запечатлено осмысление сна, с одной стороны, в виде набора объективных физиологических характеристик человека, не зависящих от него, как результат воздействия извне, с другой – как модус другой реальности, альтернатива для толкования действительности, картина, предстающая перед спящим, которая в некоторых ситуациях нуждается в интерпретации.

Литература

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. 16-е изд. испр. М.: Рус. язык, 1984. 797 с. (Ожег.)
2. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. в 2 т. М. Русский язык Медиа, 2000. 1088 с. (Ефрем.)
3. Даль, В.И. [Толковый словарь живого великорусского языка](#). М.: Цитадель, 1998. (В.Д.)
4. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М.: Русские словари, 1999. (Абрам.)
5. Словарь синонимов русского языка: В 2 т. / под ред. А.П.Евгеньевой. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1970.
6. Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка. М.: АСТ-Пресс Книга, 2002. 592 с.
7. «Медицинский словарь» издательства Oxford [Электронный ресурс]. URL: www.vseslova.ru.

Н. А. Кузнецова

*Тульский государственный
педагогический университет*

ОБРАЗ УЧИТЕЛЯ

В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА Л.Н. ТОЛСТОГО
(на материале трилогии «**Детство**», «**Отрочество**»,
«**Юность**»)

Концепт «Школа» – один из центральных в концептосфере Л.Н. Толстого. Формирование и развитие его затрагивает огромный период жизни писателя, с ранней молодости и до самой смерти. О высокой значимости концепта «Школа» в картине мира Толстого говорит тот факт, что тема обучения и воспитания детей в дворянской семье затрагивается в его первых произведениях: трилогии «Детство»(1852), «Отрочество»(1854), «Юность»(1857). И именно повести можно считать начальной ступенью формирования концепта.

На примере 6 лет жизни Николеньки Иртеньева, главного героя трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность», Толстой описывает диалектику различных периодов становления человека, что дает возможность проследить эволюцию художественного концепта «Школа» (от восприятия

школьного обучения в детском возрасте до формирования концепта у «взрослых» героев).

Индивидуально-авторский концепт Толстого последовательно раскрывается в повестях через описание главных персонажей-учителей: Карла Ивановича, St.-Jerome

Образ учителя репрезентируются словами «величественный», «торжественный», «важный». «*Карл Иванович величественно опустился в свое кресло, «увидел... важных профессоров...»* [Толстой 1928, Т. 1: 32]. Часто в описании образа учителя улавливаются негативные коннотации «надменности» («*St-Jerome с суровым и официальным лицом вошел в комнату*» [Толстой 1930, Т. 2: 46], «*St-Jerome был человек гордый, самодовольный*» [Там же: 50], «отвращения» («*Едва успел я оглянуться, как в дверях показалось рябое, отвратительное для меня лицо и слишком знакомая неуклюжая фигура учителя в синем застегнутом фраке с черными пуговицами*» [Толстой 1930, Т. 2: 33]. Таким образом, образ учителя оценивается не с точки зрения мастерства или наличия знаний, педагогических способностей, а большое значение придается его поведению, отношению к ученику.

Со стороны родителей подчеркивается уважительное отношение к личности и деятельности наставника: «*Monsieur St.-Jerome, который по моей просьбе принял за ваше воспитание... Я надеялась, что вы будете благодарны...за попечения и труды его, что вы будете уметь ценить его заслуги...*». [Там же: 45] Труд учителя заслуживает благодарности, а заслуги должны быть положительно оценены.

В сознании Николеньки образ учителя репрезентируется словами «злодей», «мучитель» («*злодей*», «*палач*», «*Он мой тиран..., мучитель*» [Там же: 49], «*Но вот учитель с злодейской полуулыбкой обратился ко мне*» [Там же: 41]), а воспитанник – «униженная» жертва. («*Я не могу с ним жить, он всячески старается унижить меня, велит становиться на колени перед собой, хочет высечь меня*» [Там же: 49]).

У главного героя воспитатели вызывают разные чувства, в зависимости от того, как они на него воздействуют. Так, например, в первой главе первой части читаем мысли главного героя о его наставнике Карле Ивановиче: «*Он очень хорошо видит, что разбудил меня, но выказывает, как будто не замечает... противный человек! И халат, и шапочка, и кисточка – какие противные*». [Толстой 1928, Т. 1: 11] В основе этого неприязненного отношения к воспитателю лежит минутное раздражение внезапно разбуженного человека: «*... Карл Иванович разбудил меня, ударив над самой моей головой хлопушкой – из сахарной бумаги на палке – по мухе. Он сделал это так неловко, что задел образок моего ангела, висевший на дубовой спинке кровати, и что убитая муха упала мне прямо на голову*». [Там же]

Отношение к наставнику меняется каждый раз, когда меняется степень воздействия на воспитанника. В доверительном разговоре, где собеседники равноправны, Карл Иванович не враг, а добрый друг: «*... теперь,*

напротив, все это казалось мне чрезвычайно милым, и даже кисточка казалась явным доказательством его доброты». [Толстой 1928, Т. 1: 11] Но что касается Карла Ивановича – воспитателя, школьного учителя, то мы видим негативную оценку: «В классной Карл Иванович был совсем другой человек: он был наставник», «... но Карл Иванович и не думал о том, чтобы отпустить нас; он то и дело задавал новые уроки».

Еще один пример из второй части – «Отрочество»: «Да, это было настоящее чувство ненависти, не той ненависти, про которую только пишут в романах и в которую я не верю, ненависти, которая будто находит наслаждение в делании зла человеку, но той ненависти, которая внушает вам непреодолимое отвращение к человеку, заслуживающему, однако, ваше уважение, делает для вас противными его волосы, шею, походку, звук голоса, все его члены, все его движения и вместе с тем какой-то непонятной силой притягивает вас к нему и с беспокойным вниманием заставляет следить за малейшими его поступками. Я испытывал это чувство к St.-Jerome» [Толстой 1930, Т. 2: 51.] Таким представляется наставник после очень серьезной ссоры. Совсем другое отношение описывается позже: «St.-Jerome доволен мною, хвалит меня, и я не только не ненавижу его, но, когда он иногда говорит, что с моими способностями, с моим умом стыдно не сделать того-то и того-то, мне кажется даже, что я люблю его» [Там же: 67]. Таким образом, восприятие Николеньки определяется степенью воздействия на него наставника. Отношение к учителям основано на эмоциях, личных переживаниях, настроении.

В качестве действий учителя направленных на ученика, часто используются слова с семантикой приказа: «повелел», «велел», «задавал», «давала наставления», «приказывая» («Карл Иванович велел мне встать и приготовить тетрадь...» [Толстой 1928, Т. 1: 15] «Марья Ивановна чинно сидела на одном из кресел... и строгим, но сдержанным голосом давала наставления сидевшим подле нее девочкам» [Там же: 17]).

Для родителей и учителей занятия – необходимость: «...мальчиков давно пора было прислать сюда, чтобы они могли чему-нибудь учиться и привыкать к свету; а то какое же им могли дать воспитание в деревне?.. ведь старшему скоро тринадцать лет, а другому одиннадцать... Вы заметили, топ cousin, они здесь совершенно как дикие... в комнату войти не умеют» [Там же: 56]. Резко отрицательное отношение к занятиям в деревне, которое характеризуется как «баклуши бить», бездельничать («Поздоровавшись, папа сказал, что будет нам в деревне баклуши бить, что мы перестали быть маленькими и что пора нам серьезно учиться» [Там же: 12]), деревенский учитель – «дядька», определение с оттенком пренебрежения, отвращения.

Таким образом, автобиографическая трилогия «Детство», «Отрочество», «Юность» воспроизводит сложный и противоречивый образ учителя, увиденный глазами ученика и осмысленный создателем воспоминаний. Определяющим в восприятии школьного преподавателя является социаль-

ная позиция героя (учитель, родители, дети). Оценочный слой в структуре изучаемого концепта представлен положительным и отрицательным полюсами. В речи родителей положительный языковой образ существует на уровне закрепленной нормы – эталона. Отрицательный полюс представлен восприятием Николеньки. Главный герой характеризует школьные «классы» как скучное, ненавистное, нелюбимое дело, учителя как надменного, отвратительного человека.

Подобная биполярность в восприятии Школы свойственна русской лингвокультурной общности. Наши поговорки отражают ценность и значимость знаний для русского человека (*грамоте учиться – всегда пригодится; кто грамоте горазд, тому не пропасть; наука – верней золотой поруки*), но в то же время подчеркивается бесполезность учения в отрыве от практических навыков, умения применить науку (*не нужен ученый, а нужен смысленный; всему учен, только не изловчен*) и т.п. Также в пословицах отмечается сложность школьного процесса (*кто хочет много знать, тому надо мало спать; идти в науку – терпеть муку*), с другой стороны, обучение противопоставляется физическим занятиям по трудоемкости и полезности (*перо сохи легче; грамотей – пахарь (не работник)*), в связи с этим возникает негативная коннотация. Именно эту модель воссоздавал писатель в трилогии. Следуя принципам реализма, точного изображения действительности, Толстой рисовал визуальный сценарий школы и образ учителя. Через живые картины трилогии мы можем судить об отношении автора к современной ему системе образования. Толстой избирает именно образ ребенка для выражения своего концепта по двум причинам: во-первых, это помогает избежать лжи, быть точным в выражениях; во-вторых, такие качества детской натуры, как внимательное наблюдение поступков людей, пристальное всматривание в жизнь, желание понять суть явлений, были свойственны и самому автору.

Литература

1. Токарев Г.В. Проблемы лингвокультурологического описания концепта (на примере концепта «Трудовая деятельность»): учеб. пособие. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2000. 92 с.

2. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. в 90 т. М.; Л.: Государственное издательство, 1928-1958.

Т. 1: Детство, Юношеские опыты. М. Государственное издательство, 1928. 356 с.

Т. 2: Отрочество. Юность. М.; Л. Государственное издательство, 1930. 418 с.

Т. В. Слива

*Национальный педагогический университет
Украина, Киев*

**АКТУАЛИЗАЦИЯ ТЕМПОРАЛЬНЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ
ПРИЗНАКОВ В РЕФЛЕКСЕМАХ КАУЗЕМЫ ОСЕНЬ**